

Тимофей Веронин

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СЕРАФИМЫ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва · 2016

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 16-610-0424

Веронин Тимофей

В 31 Необыкновенное путешествие Серафимы. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. — 224 с.

Увлекательная детская повесть «Необыкновенное путешествие Серафимы» рассказывает о церковной истории, христианских праздниках и святых. Действие происходит в советском детском доме в послевоенное время. Девятилетняя Серафима, дочка репрессированного священника, терпит обиды от окружающих и тяжело заболевает. Ей на помощь приходит преподаватель Серафим Саровский. Он отправляется с девочкой в небесное путешествие по островам церковных праздников, после которого Серафиму ждут самые неожиданные встречи и перемены. Путешествуя с главной героиней книги, ребенок попадает в мир христианской веры и любви и не только узнает о православных праздниках, но и учится испытывать свою совесть.

По мотивам повести в 2015 году был снят одноименный анимационный фильм.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2016
© Веронин Т., текст, 2016

ISBN 978-5-88017-592-5

Солнушек

Фимка плакала.

Она сидела на дощатом полу рядом с какими-то ящиками и растирала худыми кулачками слезы. Ей было так горько и обидно. Ведь Ленка отобрала у нее кусок хлеба, тот единственный, который давали к супу. Ленка быстро съела свой, а потом, когда Фимка хотела вернуть обратно крохотный кусочек, она сказала воспитательнице Ольге Семеновне, что Фимка отнимает у нее ее порцию хлеба. Ольга Семеновна поверила Ленке, а Фимку отправила в кладовую. Такое уж у них наказание — сидеть в кладовой.

Фимка снова и снова вспоминала все, происходившее в столовой. От обиды она даже начинала стучать ногами по доскам, но от этого не становилось легче.

Фимка находилась в маленькой комнатухе с крошечным окошком, в котором вместо стекол была старая фанерка. В одном месте фанерка оказалась немного коротка, и получилась щель. В эту щель дул холодный ветер. Хотя было начало апреля, но на улице стоял небольшой мороз, шел снег.

Фимка была в тонком свитерке. Он был маловат девочке, и ее длинные тонкие руки жалко выглядывали

из рукавов. Она подрагивала и от плача, и от морозного ветерка из щели. И все же Фимка радовалась этой щелке, ведь сквозь нее пробивался уличный свет. Комнатушка с ящиками от этого становилась хоть чуть-чуть веселее. А тут еще неожиданно в щелку юркнуло несколько снежинок, они покружились, как зимние мотыльки, и упали на подставленную ладошку.

Фимка смотрела, как снежинки медленно тают, и думала с грустью: «Вот бы и мне так растаять...»

— Не надо таять, не надо таять, — едва слышным серебристым голосом словно ответил кто-то тихий и неведомый.

Фимка замерла, а потом прошептала:

— Кто ты?

Никто не ответил. Подождав, она спросила снова:

— Кто ты?

Но было все так же тихо. Фимка стала лизать ладошку с растаявшими снежинками и замерла от восторга: ладошка была на вкус, как ванильный сахар. Этим сахаром однажды угощали их всех, когда был День Победы.

Фимка жила в детском доме. Недавно ей исполнилось девять лет. Время было сразу после Великой Отечественной войны. Многие-многие отцы не пришли с войны, многие матери умерли от тяжелого труда и голода. Вот и переполнились детские дома.

Своих родителей Фимка не помнила. Ей никто про них ничего не рассказывал. Вот Ленка прекрасно знала, что отец ее геройски погиб в 1943 году под Сталинградом. Он был лейтенант и командовал целым взводом — это тридцать человек! А о Фимкиных родителях все молчали, даже добрая нянечка тетя Соня

опускала глаза, когда Фимка начинала расспрашивать ее о них.

— Не знаю, детонька, не знаю, — тихо отвечала нянюшка и гладила Фимку по голове.

Но Фимке все казалось, что она-то знает, но почему-то не говорит. Известно было только имя отца — Николай, ведь Фимка была записана в документах как Серафима Николаевна, а фамилия — Успенская. Странная фамилия. Это тоже доставляло мучение Фимке. Когда кто-то из взрослых узнавал ее фамилию, то всегда что-то в лице взрослого менялось, и становилось неприятно. То ли дело у Ленки фамилия — Егорова, просто и ясно, или у Мани — Кузнецова. А у Фимки — Ус-пен-ская, совершенно непонятная фамилия. Успеть, что ли, куда-то ее предки хотели?

Чуть что, Фимка оказывалась виноватой. Много раз уже по несколько часов сидела она в кладовой, хотя была ни при чем.

И сейчас она вдруг вспомнила, как Катька, по прозвищу Шкура, украла у дяди Лени — сторожа — мешочек с семечками и почему-то подсунула Фимке под подушку. Когда дядя Леня стал семечки искать, тут Катька и сказала, что, скорее всего, украла Фимка. Семечки нашли, а Фимку в тот раз не сажали в кладовую, а поставили перед всеми девочками и долго говорили о том, как плохо воровать, что так могут вести себя только фашисты и враги народа.

Страшные эти слова так и дрожали в ушах Фимки. Она вспоминала, как стояла перед всеми. А все сверлили ее глазами, особенно Катька. Только Маня не смотрела, и Фимке показалось, что Маня плакала.

Они с Маней дружили, только теперь у нее нашлась мама. Она приехала две недели назад и забрала Маню в теплую родную жизнь. Счастли-и-и-вая. Но Фимка не завидовала.

Сейчас она сидела на полу в тесной темной комнатке и улыбалась, думая о Мане. Она представляла, как Маня ложится в кроватку в собственной комнате, а ее родная мама ей что-то долго рассказывает, поет, а на прощанье целует. И Фимке самой стало теплее, но потом она вспомнила Катьку Шкуру, Ленку, сжала опять кулачки, хотела стучать ими по ящикам, по двери, по полу. Но раздумала.

Грустно угасал день. Щелка становилась совсем темной — эта последняя радость исчезала. И тут по фанерке застучал сильный порыв ветра, и в щель опять влетело несколько снежинок. Фимка в темноте не могла видеть, куда они упали, но ей послышался тот же тихий голосок:

— Спи, спи, спи...

И во рту она снова ощутила вкус ванильного сахара, или нет — это был совсем другой вкус, сладкий, непонятный, неведомый.

В те годы дети почти не ели сладостей и конфет. Фимка помнила только ванильный сахар, поэтому с ним и сравнила тот таинственный вкус.

— Кто ты? — опять спросила Фимка.

В ответ ей послышалось какое-то неведомое пение. Оно было совсем не похоже на то, что пели они с ребятами на хоре, или на то, что слышали они иногда из репродуктора. По праздникам им включали радио. Это было интересно: из серебристой широкой

трубы неслись веселые звуки оркестра или звучала песня про синий платочек.

Фимка прислушалась: пение утихло. Потом снова как будто возобновилось, но ей показалось, что это просто свистит метель. Потом она все-таки отчетливо различила пение. Ее стало клонить в сон. Но Фимка боролась со сном. Она знала, что к ужину ее должны выпустить. Так бывало всегда. Ночевать в кладовой никого не оставляли. Да там и спать было негде. Разве что на фанерных ящиках, но ведь жестко, а как холодно! Из щели упрямо тянуло морозным воздухом. Руки коченели.

Но время ужина уже явно прошло, а за ней не приходили. Фимка слышала, как по коридору протопали десятки ног. Это все отправились умываться. Значит, сейчас уже девять часов вечера.

Снова раздался топот. Все шли обратно. Хлопнула дверь в общую спальню. По коридору зашлепала мокрая тряпка. Это нянечка мыла пол. Но сегодня убиралась не тетя Соня, а другая, новенькая, нянечка, молодая и совсем неласковая. Она спешила сделать всю нужную работу и убежать домой. Никогда ни с кем из детей не говорила. Только мыла, стирала и глядела исподлобья.

— Про меня забыли, — шепнула Фимка.

Если бы это была тетя Соня, она обязательно бы открыла сейчас кладовую, приобняла бы Фимку и поцеловала в затылок почти так же, как, наверное, целует мама. Фимка не знала, как ведут себя мамы, но много раз представляла себе мамин голос, мягкие мамины руки и какое-то чудесное мамино тепло.

Тряпка перестала шлепать. Все затихло. Слышно было только, как где-то лаяла собака. По морозному снегу захрустели шаги уходившей нянечки. А в комнатке было ужасно холодно. Фимке стало отчаянно страшно.

«Я здесь замерзну», — мелькнула в ее голове мысль, и она принялась стучать кулачками в дверь.

Но кто мог услышать? Ольга Семеновна жила на другом конце коридора да к тому же сегодня вечером ушла к кому-то в гости. Сторож дремал на первом этаже. Он был стар и глуховат. Но дети любили его, потому что он никогда не кричал на них, даже если они ломали его веник или залезали на козырек здания. А еще иногда он дарил всем по очереди маленьких сахарных петушков на палочках. Да, в самом деле, эти петушки — вот еще какую сладость ела Фимка, кроме ванильного сахара.

Фимка затихла. Опять ей почудилось пение...

— Спи, спи, спи, — затаил заунывно ветер во дворе.

И неожиданно Фимка, забыв про холод, склонила голову на фанерный ящик и так, сидя на полу, заснула.

Среди ночи ее разбудил какой-то шорох. Она открыла глаза и увидела, что комната стала совсем другой. Нет-нет, все в ней осталось по-прежнему: те же ящики, полки с коробками, пыль, фанерка на окне. Но на все эти неинтересные предметы падал какой-то теплый и ласковый свет. Он словно бы преобразил их, делал другими, таинственными, необычными. И тут девочка опять услышала нежный голосок. Он пел откуда-то сверху. Фимка подняла голову и замерла от удивления и страха.

В дальнем углу кладовой порхало легкое светлое существо. Оно напоминало маленькое солнышко, только с головкой малыша и тонкими, как у бабочки, крыльями. Этот солнцобразный малыш летал и пел. Тихо, нежно. Пел одно и то же. А что — Фимка разобрать сначала не смогла. А потом прислушалась и разобрала.

Он пел: «Христос воскрес!»

Воспитатели и учителя не раз говорили детям, что темный простой народ верит в Бога Иисуса Христа. А на самом деле Его не было. Бога выдумали богатые, чтобы бедные Его боялись и слушались своих хозяев.

И вот теперь этот удивительный Солнушек (так Фимка окрестила про себя своего нежданного гостя) пел о Христе. Он ведь не богатый и не хочет ее обманывать. И что значит «воскресе»? Этого слова Фимка и вовсе не могла понять. Как-то не было в голове у нее такого понятия.

А Солнушек все пел и пел. Нежный голосок его смешивался с нежно-желтым светом, и Фимке вдруг стало так хорошо, как никогда в жизни не было. Как будто у нее нашлась мама, и Фимка сидит у нее на коленках, и мама расчесывает ей волосы и тихо напевает песенку.

Сидя на полу, Фимка затихла. Она слушала и смотрела, забывая все свои огорчения, и Ленка не представлялась ей такой злою, и Катьку она вдруг простила за те семечки. А еще она вспомнила Настю, которую положили в больницу. Настя ничего не ела и стала худая, как палочка. Ходила тихо-тихо, а когда глядела на всех, то словно никого не видела. А теперь Настя лежала в больнице, где ее поили бульоном

и делали ей анализы. Но Ольга Семеновна сказала, что, может быть, ее увезут куда-то далеко. А куда — не сказала.

— Солнушек, помоги Насте, — вдруг, сама не зная отчего, прошептала Фимка.

Тетя Соня

— Фимка, ах ты горе мое, ты здесь совсем окоченела! — раздался знакомый голос нянечки тети Сони.

Девочка испуганно вздрогнула и оглянулась. Солнушка не было, а из-под фанерки пробивался несмелый утренний свет.

— Что с тобой, Фимка? Ты чего, как самовар начиненный, сияешь? — с удивлением глядя на Серафиму, воскликнула тетя Соня. — Я думала, ты здесь слезы льешь, а ты, гляди-ка, вон какая счастливая. Ну, пойдем, пойдем, поспи еще, часок до подъема остался. Я, как нарочно, сегодня пораньше пришла, думала тут, в кладовой, разобраться. А вдруг вижу — ты. Ох, Семеновна, Семеновна, совсем тебя замучила...

— Тетя Соня, а что значит «воскресе»? — вдруг тихо и серьезно спросила Фимка.

— Ты что, молчи, тсс, — испугалась тетя Соня. — Откуда ты это взяла?

— Мне Солнушек пел: «Христос воскрес!» — просто ответила Фимка.

Тетя Соня присела на корточки, взяла Фимку за плечи и спросила:

— Что за Солнушек?

— Светлый такой, с крылышками, он только что мне пел, тетя Соня, пел...

И тут нянечка обняла Фимку и внимательно посмотрела ей в глаза. А потом почему-то заплакала, странно так, тихо заплакала. Просто текли из ее глаз слезы, а она только прижимала к себе Фимку, словно боясь потерять ее. Потом тетя Соня приподнялась, закрыла дверь кладовой и зашептала:

— Фимка, да сегодня же Пасха, Светлое Христово Воскресение, вы, бедные, ничего про это не знаете, а мы, грешные, вам сказать боимся. Христос, Фимка, — это Бог наш, Творец неба и земли, Который на землю пришел. А его злые мы, человеки, распяли на Кресте. Казнили, понимаешь?

— Понимаю, — отозвалась Фимка, с испугом глядя на взволнованное лицо нянечки.

— Он умер, — быстрым-быстрым шепотом продолжала тетя Соня, — Бог наш, Христос, а потом Его, Кормильца, в пещере схоронили, а Он ожил. Вышел из пещеры, хоть та камнем огромным была завалена, и к Отцу на небо вернулся. Только прежде еще ученикам Своим много раз являлся. Веришь?

— Раз Солнушек сказал, значит, верю, — твердо произнесла Фимка. — А в школе, значит, врут.

— Врут, моя горемычная, и мы все, кто верим, молчим. Боимся — нас в тюрьму посадят.

— А я не боюсь. Я сегодня же всем девчонкам расскажу, что Христос воскрес, — заявила Фимка.

— Не надо, Фимочка, прошу тебя, — умоляюще зашептала тетя Соня, — ведь меня первую выгонят, и так Ольга Семеновна видела, как я в церковь на Крещение ходила. Грозилась выгнать, если

я «глупости церковные» не брошу. Она сразу подумает, что это я тебя научила. А тебе какво будет? Не вздумай, Фимка. Не будешь, а?

— Мне, тетя Соня, вас жалко, но я ненавижу, когда врут. Вот Солнушек — он никогда не врет.

И тут тетя Соня встала на колени и медленно, но решительно сложила три пальца правой руки вместе и положила их сначала на лоб, потом на живот, а после на правое и левое плечо.

— Ты права, Серафима, это в тебе говорит твоих роди... — но нянечка вовремя спохватилась и не стала продолжать.

— Кто говорит? — переспросила Фимка. — Мои родители? А ты знаешь, кто мои родители?

И глаза ее наполнились радостью и слезами, маленькое сердечко забилось в ожидании чуда. Словно сейчас она увидит тех, о которых мечтала каждый вечер, засыпая. Ей представлялся высокий статный отец в военной форме с орденом Красного Знамени на груди, с колючими усами. Он подбрасывает Фимку и ловит. И мама в голубой косыночке, с васильками на платье, тихая ласковая мама, она берет ее за руку и ведет куда-то по тропинке...

— Ты знаешь про моих папу и маму? — еще раз спросила Фимка.

— Знаю, — прошептала тетя Соня.

И тут хлопнула дверь, и в коридоре раздались бодрые шаги.

— Семеновна! — в страхе вскочила с колен тетя Соня.

— Софья Ильинична, — раздался низкий голос Ольги Семеновны, — вы где? Ах, вы тут! — строгая

воспитательница остановилась у дверей кладовой. — Так, а что здесь делает Успенская? Ты почему не в кровати?

— Так вы сами, Ольга Семеновна, ее вчера сюда посадили, — заступилась за Фимку нянечка.

— А разве Катерина ее после ужина не выпустила?

— Она про меня забыла, — срывающимся голосом проговорила Фимка и горько заплакала, уткнувшись головой в занозистый ящик.

— Не реви, тебе посидеть одной полезно. Чтоб больше не было мне такого! Хлеб чужой хватать! — перешла на крик Ольга Семеновна, ее и так остренькое лицо превратилось в конец какой-то пики или копья.

Фимка хотела закричать в ответ, застучать ногами, а то и броситься на сердитую воспитательницу. Но вдруг ей вспомнилось тихое сияние Солнушка и его радостное легкое пение: «Христос воскрес!» И стало на душе так мирно и хорошо, что даже Ольга Семеновна показалась родной, пускай у нее недоброе лицо, колючие глаза, а все же она заботится о них, переживает. Фимка поднялась с пола, встала перед воспитательницей с виновато опущенной головой, покорная, смиренная, и сказала:

— Христос воскрес, Ольга Семеновна, простите меня, — и пошла в спальню.

И никто ее не остановил, никто ей ничего не сказал, потому что Ольга Семеновна застыла на целую минуту, словно ее заморозили. А потом глянула на тетю Соню, ох как глянула. И пошла к себе в кабинет. Такими твердыми шагами, будто гвозди заколачивала.

Фимка не видела, как тетя Соня долго стояла в кладовой, крестилась, шептала что-то и по лицу ее катились слезы. Но нет, это были не слезы страха или обиды, это были светлые слезы. Если бы Фимка видела лицо тети Сони в то мгновение, она бы, наверное, вспомнила Солнушка.

Но девочка не видела тетю Соню ни тогда, ни потом, ведь они до вечера должны были чистить от снега двор, разбирать барахло в сарае, а тетя Соня куда-то ездила по поручению Ольги Семеновны. А может быть, Фимка с тех пор вообще добрую нянечку никогда не видела.

Христос воскрес!

Весь тот день Фимка ощущала на себе тяжелый взгляд Ольги Семеновны. Девочка с трудом возила лопатой по мокрому снегу. С утра как раз началась оттепель, и снег стал тяжелый-претяжелый. Фимка ведь не спала почти всю ночь, накануне осталась без ужина, сил у нее было очень мало. Она не могла чистить этот липкий влажный снег, который на лопате быстро превращался в целую неподъемную кучу. Катька толкала ее в бок, обзывала «врагом народа», а потом Ленка с Катькой вдвоем пошли к Ольге Семеновне.

— Ольга Семеновна, Успенская не трудится, она не хочет помочь родной стране и родному детскому дому, — сказала Катя и довольно улыбнулась, но потом нахмурилась, придавая своему лицу серьезную строгость.

Воспитательница сурово глянула на девчонок:

— Ну-ка, по местам, за лопаты, вас никто не спрашивал.

Сказав это, Ольга Семеновна вдруг как-то грустно посмотрела на Фимку и молча пошла к себе в кабинет.

Но за обедом она не спускала с девочки глаз. А Фимка, пока ела, поднять головы не могла от тарелки. Глаза воспитательницы словно сверлили ее. После ужина, на вечерней линейке, Ольга Семеновна объявила:

— Сегодня произошло очень нехорошее событие. Оказалось, что среди нас есть те, кто верят в глупые рассказы про Бога.

Все, будто сговорившись, поглядели на Фимку. Она стояла среди других девочек все в том же коротковатом свитерке, ее худые руки грустно белели из-под ободранных рукавов. Лицо было бледное от усталости и недосыпания. Кажется, она немножко дрожала. Или это просто мигала лампочка напротив?

— Да, наша девочка Серафима Успенская, оказывается, верит темным старухам и капиталистам, которые выдумали Бога, чтобы простой народ их слушался. Бога нет, девочки. Мы построим новый мир, где не будет ни капиталистов, ни темных старух. Давайте скажем хором: «Бога нет!»

И все девчонки, как один, бодро прокричали в ответ воспитательнице:

— Бога нет!

Только Фимка опустила голову и молчала. Ольга Семеновна глянула на нее:

— А ты, Успенская, почему молчишь?

И тут Фимка сделала два шага вперед, повернулась к ребятам и замерла. Ей показалось, что она опять слышит тихое пение Солнушка, в ее маленькой обиженной душе разливалось блаженное тепло. Лицо просияло радостью. Фимка улыбнулась, глядя на Катьку, и внятно произнесла:

— Христос воскрес! — и упала без сил.

Перепуганная Ольга Семеновна подбежала к девочке. На лице ее была жалость. Нет, она не была такой бессердечной, как могло показаться. Она ведь любила всех этих девчушек, но надо же их воспитать борцами, строительницами новой жизни, а не слюнтяйками.

Ольга Семеновна сама подняла Фимку на руки и отнесла в постель. Катька Шкура повертела пальцем у виска и сказала в сторону Фимки:

— Совсем тю-тю.

Все остальные молчали. Девочки не могли забыть лицо Фимки, когда она говорила свои странные слова. Оно было похоже тогда на маленькое солнышко...

Все расходились тихо, тихо умывались, тихо легли в постель. Только Марина Зотова, которая умела вызывать у себя икоту, перед сном стала громко икать, чтобы повеселить Катьку. Катька Шкура захотала, но Ольга Семеновна тут же открыла дверь в спальню и так посмотрела на Марину с Катькой, что они спрятались под одеялами.

Фимка едва пришла в себя. Она вся дрожала. Ей померили температуру. Оказалось — 40,2. Ольга Семеновна вспомнила про холодную кладовую, про жесткие ящики, про то, как забыли там Фимку, и от стыда не могла глядеть на больную девочку.

Она вышла в коридор и стала ходить туда-сюда. Не так уже твердо вколачивая каблуками своих туфель невидимые гвозди.

— Надо что-то делать, надо что-то делать, — твердила Ольга Семеновна.

Потом она разбудила дядю Леню — сторожа (он почти всегда спал, если не надо было идти в столовую или за дровами — топить печи). Дядя Леня долго кашлял, а потом запряг старую кобылу и повез закутанную в три одеяла Фимку в городскую больницу.

Больница была недалеко, километрах в пяти. Фимка не помнила, ни как ее везли, ни как переносили в палату. Очнулась она только уже на серенькой больничной кровати, над ней была лампочка. Она была тусклая, но резала глаза. В груди все хрипело, а кости словно кто-то хотел выломать из суставов. В голове у Фимки крутились какие-то треугольники и ромбы, которые складывались в огромное лицо Ольги Семеновны и грозили ей чем-то ужасным.

Девочка с трудом повернула голову и встретила знакомые добрые и грустные глаза. Рядом с ней на соседней постели лежала Настя, совсем уже худая и слабая, она смотрела большими глазами на Фимку и жалела ее. Она-то знала, что значит болеть. А Фимкино сердце тоже сжалось от жалости.

— Солнушек, — прошептала она, — надо помочь Насте. Она добрая. Она ведь тоже, наверное, знает, что Он воскрес, — и Фимка, глядя прямо в Настины глаза, прошептала:

— Христос воскрес! — совсем тихо прошептала, но ей показалось, что Настя в ответ улыбнулась и чуть приподняла свою совсем ослабевшую руку.

«Бедная, — подумала Фимка, — она ведь так долго болеет. Как же помочь ей?» — и тут Фимка почувствовала, как тяжелая волна болезни наваливается на нее, глаза тяжелеют, и она ухнула в трудный болезненный сон. В этом сне она должна была катить в гору треугольники и ромбы, а они все обваливались вниз, скользили, кололи ей руки и мешали дышать.

Преподобный Серафим

Да, таких тяжелых снов давно не приходилось ей видеть. Треугольники и ромбы сменились на ящики, которые громоздились один на другом. Это были те самые ящики, что заполняли ненавистную кладовку, только их было гораздо больше, и казалось, они росли, множились на глазах. А Фимка опять сидела в этой кладовке, и дверь была заперта, а ящики грозили вовсе раздавить ее. Ей так не хватало воздуха!

Она едва смогла протиснуться к окошку, рванула на себя служившую вместо стекла фанерку, та поддалась, хряснула, и на Фимку полился свежий холодный воздух. Сон стал ужасно напоминать реальность. Девочка увидела себя на крыше их детского дома, как она лезет из этой кладовки, сейчас она упадет, проснется сторож, ее схватят, но нет, ей удалось слезть бесшумно. Сторож дядя Леня спал крепко. Скрипнули ворота. И Фимка бежала уже по темному ночному поселку. И тут она услышала лай, страшный, злобный лай. Оглянувшись, она увидела, что за ней бегут огромные черные собаки. Их много, очень много. Пока еще они далеко, но они несутся гораздо быстрее,

и, конечно, они непременно догонят Фимку. А она... Она замерла в нерешительности, глядя то на них, то в сторону, туда, где на горе стоял огромный запустелый храм. Как ее манило в этот храм! И она бросилась туда. Собаки истошно лаяли и приближались к ней. Но Фимка бежала, так бежала, что во сне сердце чуть не выпрыгнуло у нее из груди. Но вот он — храм уже рядом. Вот его большая железная дверь. Но как открыть ее такими слабыми детскими руками? И Фимка повисла на огромной ржавой ручке. А к ней уже приближалась вся эта жуткая свора. Она видела огромные пасти собак, желтоватые кривые зубы, красные языки. Она чуть ни глохла от их лая. И тут дверь распахнулась. Сама, без всяких Фимкиных усилий. И девочка упала во что-то мягкое и благоуханное.

Да, это был самый удивительный сон в ее жизни и самый явный! Потом, много лет спустя, она не могла забыть ни единой черточки этого сна.

Поначалу она различила только свет. Мягкий, ласковый, золотистый. Он заливал все. Он не резал глаза, он обнимал, согревал и, казалось, испускал тихое благоухание и рождал дивную музыку. Потом в этом свете стали проступать силуэты деревьев. Совсем необычных, ветвистых и словно бы невесомых. Они цвели самыми разными цветами и в то же время клонились к земле от тяжести прекрасных плодов.

Серафима поднялась и сделала несколько шагов. В своей больничной рубашонке, безродная воспитанница заштатного детского дома, она стояла посреди неведомой таинственной красоты. Удивительно!